

образных слов (*kukorica* 'кукуруза', *kacsá* 'утка', *talál* 'находит', *piócsa* 'пиявка', *egér* 'мышь').

Книга Б. Кальмана — ценный вклад в венгерское языкознание. Ясное, понятное изложение материала, логически стройная структура ее делают честь Кальману-педагогу. Книга может стать важным пособием для каждого специалиста в области

венгерского языка. Мы уверены в том, что после опубликования венгерского диалектологического атласа Б. Кальман откажется от устаревшей традиционной классификации и поставит перед собой задачу дать новую, современную классификацию венгерских диалектов.

ПЕТЕР ДОМОКОШ (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1969.2.11>

Р. В. Бабушкина, Темяшевский диалект мокша-мордовского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1968.

Изучение диалектов разных языков финно-угорской системы представляет собой одну из задач, безотлагательное решение которых диктуется самой жизнью.

Исследование мордовских диалектов имеет хорошие традиции, основанные в свое время трудами А. А. Шахматова, Х. Паасонена, М. Е. Евсевьева, Д. В. Бубриха. В последние десятилетия изучением диалектов активно занимаются эрзянские и мокшанские языковеды. Последняя работа, посвященная одному из диалектов мордовского языка, написана Р. В. Бабушкиной. Она озаглавлена «Темяшевский диалект мокша-мордовского языка» и была защищена в качестве кандидатской диссертации в Институте языкознания Академии наук СССР (в Москве).

Диалект, исследованный Р. В. Бабушкиной, по территориальной распространенности невелик — он охватывает всего лишь четыре населенных пункта (Темяшево, Кулдым, Вертелим, Красновка), но по своим особенностям представляет большой интерес. В нем мы обнаруживаем сплетение мокшанского языка с отдельными фонетическими и грамматическими особенностями эрзянского, т. е. имея мокшанскую основу, темяшевский диалект содержит в себе ряд черт, общих с эрзянским языком.

Рецензируемая диссертация представляет собой подробное монографическое описание указанного диалекта и состоит из введения (14 стр.), фонетики (112 стр.),

морфологии (180 стр.) и приложения (110 стр.).¹

В начале диссертации отмечено: «Установление состава фонем диалекта, выявление специфических закономерностей в употреблении, описание качественных изменений в потоке речи, морфологических и отдельных лексических особенностей составляет задачу данной работы». Поставленные задачи автором выполнены. Ценность работы прежде всего в том, что в ней представлен интересный материал по одному из малоизученных диалектов. Если не считать некоторых отрывочных сведений у Х. Паасонена, это первое более или менее полное описание так называемого темяшевского диалекта мокшанского языка. Основные выводы диссертации строятся на богатом фактическом материале, собранном автором главным образом в полевых условиях. В подавляющем большинстве случаев они убедительны. При изложении главных вопросов диссертант не ограничивается рамками исследуемого диалекта, она показывает их на общем фоне мокшанского и отчасти эрзянского языков.

В фонетическом разделе автор рассматривает следующие вопросы: состав гласных и согласных фонем, их дистрибуции,

¹ Основное содержание диссертации опубликовано: Р. В. Бабушкина, Темяшевский диалект мокша-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов IV, Саранск 1966, стр. 16—225.

особенности ударения, редукции и некоторых других фонетических явлений.

С точки зрения общего языкознания и фино-угроведения, большой интерес представляют вопросы о развитии в мордовских диалектах палатализованных согласных, начальных звонких, глухих сонантов и редуцированных гласных. Палатализованный ряд согласных в мордовских языках в основном вторичен, он возник в результате смягчения твердых согласных под влиянием гласных переднего ряда и дальнейшего расширения сферы упрощения вновь образованных смягченных. Как известно, в других родственных языках происходит обратный процесс, в них отвердели даже те немногочисленные согласные (*ń, l, ś*), которые бытовали в языке-основе.

В темяшевском диалекте автор отмечает глухие согласные фонемы *Л, Л', Р, Р', Й*. Глухие параллели соответствующих сонантов в языках встречаются весьма редко. Мокшанский язык в этом отношении раскрывает механизм образования их, ибо встречаются они в нем в подавляющем большинстве случаев только перед глухими согласными (*каЛт* 'рыба', *кеЛ'т* 'языки', *маРт* 'кучи', *маР'т* 'яблоки') или там, где соответствующий глухой выпал (*маР'н'ѣ* 'яблоки те' < *маР'т'н'ѣ*). Автор все отмеченные глухие согласные включает в состав фонем. Однако согласные *Л, Л', Р, Р', Й* встречаются в строго определенных фонетических положениях, они не могут быть ни в начале слова, ни в абсолютном исходе, поэтому, очевидно, носят характер комбинаторных оттенков соответствующих сонантов.

В работе звуковой анализ дается в основном с точки зрения теории фонем, но не всегда последовательно. Например, в состав гласных темяшевского говора включены следующие семь фонем: *и, е, а, ä, ъ, о, у*. Однако на стр. 36 мы читаем: «Как в литературном языке, в темяшевском диалекте гласный [а], являющийся вариантом фонемы [ѣ], теряет способность перетягивать на себя ударение: [*ýла*] 'подбородок' — [*ýлѣт*] 'подбородки'». По поводу этой цитаты хотелось бы сделать два замечания:

1. Нельзя поверить, что одна (в данном случае *а*) из двух синхронно функ-

ционирующих самостоятельных фонем может быть вариантом другой (ѣ). В этой связи недоразумением является и утверждение, которое приводится на стр. 63: «Различно реализуется фонема [ѣ]. В исходе слова перед паузой после твердого согласного реализуется в звуке [а] [*лофца*] 'молоко', в звуке [ä] после мягкого согласного [*пил'г'ä*] 'нога'. В окружении согласных, что является сильной позицией для фонемы [ѣ], она реализуется в звуке [ѣ]: [*пíл'г'ѣн'*] 'ножной', [*лофцын'*] 'молочный'». Подобное толкование фонем не соответствует действительности. Последовательное применение его привело бы к такому выводу, что в языке каждая фонема может выступать в виде любой другой. Ошибочность такого утверждения очевидна. Это понимает, по-видимому, и автор. Поэтому уже на следующей странице говорится о чередованиях гласных *а—ѣ* (*тýма* 'дуб' — *тýмѣт* 'дубы'), *ä—а* (*ал'ä* 'мужчина' — *ал'ат* 'мужчины'), *у—ѣ* (*мус'кѣмс* 'стирать' — *мѣс'кан* 'я стираю') и др.

2. В мокшанском языке, как и в марийском, гласный *а*, выступающий в первых слогах, в силу своей фонетической природы обычно перетягивает на себя ударение (мар. *кѣче* 'солнце, день' — *кѣчán* 'солнечный', *тýшко* 'туда' — *тушáн* 'там'; мокш. *ýдѣмс* 'спать' — *ѣдѣмá* 'спанье'). Однако в темяшевском диалекте иногда *а* не имеет такой способности (*ýла* 'подбородок'). Это происходит не потому, что *а* — вариант фонемы ѣ, как утверждает диссертант. Причины, как нам представляется, следует искать в другом. Дело в том, что в словах типа *ýла* 'подбородок', *ýша* 'улица' гласный *а*, по всей вероятности, позднего образования (ср. эрз. *ýло, ýшо*). Развитие *а* в них произошло уже после того, как прекратился процесс перемещения ударения к концу слова. Эту мысль подтверждают многочисленные заимствования. В словах, вошедших в темяшевский диалект из русского языка, как правило, ударение ставится на первый слог (если даже в последующих слогах выступает *а*), например: *кóлатка* 'колодка', *рóзна* 'отдельно', *мóлатка* 'молоток' и др.

В наше время трудно представить себе работу по синхронному описанию фонем

в диалектах или языках без применения технических средств. Однако в данной диссертации акустико-артикуляторная характеристика фонем и других звуковых явлений основывается лишь на субъективном методе, а потому не имеет достаточной доказательной силы.

Правда, качество отдельных звуков может быть определено субъективно. Например, образование губных согласных может быть описано зрительно. Поэтому для губных такие характеристики вполне оправданы. На стр. 29 говорится о губно-губном характере согласных *б-п*: «При образовании этих фонем нижняя губа смыкается с верхней губой, в результате чего образуется полный затвор. Сильная струя воздуха разрывает затвор, благодаря чему получается шум». В этом определении возражение вызывает только вторая часть (сильная струя воздуха разрывает затвор). Здесь нарушена причинно-следственная связь. При произношении смычных согласных активный орган отходит от пассивного не потому, что усиливается давление воздуха, а наоборот, воздушная струя изо рта выходит в результате более или менее резкого отхода активного органа от пассивного.

В диссертации особо рассматриваются наиболее существенные фонетические явления (выпадение, вставка, редукция и др.). Все эти вопросы изложены в основном правильно и с привлечением богатого фактического материала. Хотелось бы сделать лишь два частных замечания.

1. Примеры для подтверждения вставочного явления не всегда удачны. Так, в слове *кудъкс* (~ *куткс*) 'как дом' считается, что гласный *ѣ* является элементом вставочным. Вряд ли можно с этим согласиться. Скорее всего здесь мы имеем гласный древней основы (ср. мар. *кудо* 'летняя кухня; лачуга; шалаш', фин. *kota* 'юрта; шалаш').

2. Явление редукции связано с ударением, однако объяснение автора, что «развитие редуцированных в темяшевском диалекте, как и в мокшанском языке, связано с тенденцией передвижения ударения на начало» (стр. 66), абсолютно противоречит тем примерам, которые привлекаются для подтверждения этой мысли (*съркс'кă* 'колючко' < *суркскă*, ср. *сур* 'палец'). Перемещение места ударе-

ния происходит в обратном направлении — от начала к концу.

Во втором разделе рассмотрены основные вопросы морфологического строя темяшевского диалекта: части речи, их грамматические категории, словообразованные отдельные части речи.

В работе обстоятельно разбираются такие важные части речи, как имя существительное и глагол. Отмечается, что для мокшанского языка характерны такие специфические склонения, как основное, указательное и притяжательное. Количество падежей в них не одинаково, в основном склонении — 12, в указательном — 3 (именительный, родительный, дательный) и в притяжательном — 10. Падежи анализируются обстоятельно и всесторонне: определяются их морфологические показатели, раскрываются наиболее существенные значения и синтаксические функции каждого из них. В некоторых случаях автор выделяет большее количество значений, так, в местном падеже определено 13 значений. Правда, количество значений относится к явлениям относительным, так как нередко то или иное падежное значение выводится из лексического значения соответствующего слова.

При описании морфологического строя рассматриваемого диалекта автор обращает внимание на те моменты, которые в мокшанском литературном языке отсутствуют. Например, на стр. 245 отмечено, что в объектном спряжении изъявительного наклонения для отрицания действия, происходившего в прошлом, сохранилось *e*-овое отрицание (*ѣз'ин' йăка* 'я не ходил', *ѣз'ит'' йăка* 'ты не ходил', *ез' йăка* 'он не ходил'). В марийском языке это отрицание тоже сохранилось, только в нем гласный редуцировался (*ыжьым тол* 'я не пришел', *ыжьыч тол* 'ты не пришел', *ыш тол* 'он не пришел').

На стр. 249 диссертант приходит к выводу о том, что вида как такового в мордовском языке нет: «Здесь мы имеем лишь наличие видовых значений, видовых моментов, которые ориентированы в основном на количественной стороне действия». Однако в последующем изложении мы встречаем заголовки: «однократный вид», «многократный вид» и т. д.

Сомнительным представляется утверждение диссертанта о наличии в мордов-

ском языке категории состояния. Стр. 142: «Синтаксически наречия отличаются от других частей речи тем, что они обычно в предложении выступают обстоятельством и подчинены посредством примыкания к глаголам, прилагательным, словам категории состояния, наречиям». Здесь, по-видимому, сказалось влияние книги А. Н. Гвоздева «Современный русский литературный язык» (Москва 1958), где для русского языка отмечается то же самое (стр. 369).

В конце диссертации имеется краткий анализ лексики и некоторых топонимиче-

ских данных, представляющих определенный интерес. Однако отдельные положения автора остались недоказанными. В частности, интересно было бы знать, на каком основании такие слова, как *вѣдарка* 'ведро, ведерко', *бѣцкă* 'бочка', *озим* 'озимь', *бока* 'бока' считаются заимствованными именно из древнерусского языка.

Все отмеченные недочеты ни в коей мере не умаляют достоинства диссертации, которая представляет собой ценный вклад в мордовское языкознание.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

Л. П. Сергеев, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1968. 104 стр.

Вышла в свет работа чувашского языковеда Л. П. Сергеева «Диалектологический словарь чувашского языка», имеющая большое значение как для чувашской диалектологии, так и для чувашского языкознания вообще.

Чувашский язык — один из тех тюркских языков Поволжья, которые в результате длительного этнического контактирования их носителей вобрали в себя множество элементов финно-угорских языков. Вместе с тем он оказал значительное влияние на соседние языки финно-угорских (волжско-пермских) народностей.

Изучению так наз. языковой интерференции в лингвистической науке в последнее время придается все большее значение. Результаты взаимовлияния и взаимопроникновения между финно-угорскими языками Поволжья и чувашским ощущаются и в настоящее время. С этой точки зрения, публикации новых материалов по чувашскому языку представляют интерес как для исследователей лексики чувашского языка, так и для всех финно-угроведов. Исходя из этих соображений данная рецензия имеет целью уведомить финно-угорскую лингвистическую общественность о появлении работы Л. П. Сергеева.

Книга аккуратно оформлена, ее тираж — 2000 экземпляров. Работа снаб-

жена схематической картой расселения чувашей за пределами республики. В небольшом предисловии автор определяет задачи исследования. На страницах 4—7 он знакомит читателя с составом и структурой словаря, затем кратко останавливается на фонетических и грамматических особенностях чувашских диалектов (стр. 7—8).

Рецензируемый словарь чувашского языка пока что является первым опытом лексикографической работы в области чувашской диалектологии. Он содержит около полутора тысяч диалектных слов и включает все известные автору диалектизмы, встречающиеся как на территории Чувашской АССР, так и за ее пределами.

Фонетические варианты заглавных слов сосредоточены в одной словарной статье, однако они помещены и в общем алфавитном порядке с отсылкой к первому варианту. Каждое заглавное слово сопровождается указанием в скобках населенного пункта, где оно зарегистрировано; затем приводится семантический эквивалент из чувашского литературного языка, после чего следует перевод на русский язык. В необходимых случаях диалектное слово снабжено иллюстративным материалом.

Диалектные слова в чувашском языке, как и в любом другом, появились или в